

АННА
БИГСИ

ДЕВОЧКА ИЗ ПРОШЛОГО

Анна Бигси

Девочка из прошлого

Серия «Братья Козыревы», книга 1

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67869162
Девочка из прошлого:*

Аннотация

- Папа! – слышу детский крик и оборачиваюсь.
Девочка лет пяти несется ко мне.
- Папочка! Наконец-то я тебя нашла, – подлетает и обнимает мои ноги.
- Ты ошиблась, малышка. Я не твой папа, – присаживаюсь на корточки и поправляю съехавшую на бок шапку.
- Мой-мой, я точно знаю, – порывисто обнимает меня за шею.
- Как тебя зовут?
- Анна Иванна. – Надо же, отчество угадала, только вот детей у меня нет, да и залетов не припоминаю. Дети – мое табу.
- А маму как зовут?
- Вытаскивает помятую фотографию и протягивает мне.
- Вот моя мама – Виктолия.
- Забираю снимок и смотрю на счастливые лица, запечатленные на нем. Я и Вика. Сердце срывается в бешеный галоп. Не может быть...

Содержание

Глава 1. Иван	4
Глава 2. Виктория	26
Глава 3. Иван	34
Глава 4. Иван	44
Глава 5. Виктория	54
Глава 6. Иван	61
Глава 7. Иван	70
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Анна Бигси

Девочка из прошлого

Глава 1. Иван

Автоматические двери разъезжаются в разные стороны, и в лицо сразу бьет морозный зимний воздух, с легкостью проныкая под распахнутое пальто. Зябко веду плечами, выхожу из офисного здания и подаю руку Карине, чтобы не убилась на своих каблучищах.

– Давай быстрее. Мы опаздываем, – недовольно ворчит она, спускается с лестницы и берет меня под руку.

– Подождут, – раздраженно отмахиваюсь и сворачиваю к своей машине. Я вообще не собирался никуда ехать. Конец года, у меня аврал и совсем не до помпезных вечеринок.

– Неужели так сложно поторопиться? Это же важно для меня, – как специально продолжает выводить из себя.

– Если это так для тебя важно, могла бы поехать одна, а не дергать меня по пустякам.

– Пустякам? То есть я для тебя пустяк?

При прочих достоинствах у Карины есть один очень серьезный недостаток – она не чувствует грань, когда надо заткнуться. Вскипаю в секунду и едва сдерживаюсь, чтобы не послать ее в пешее эротическое путешествие. Сегодня она

слишком явно туда напрашивается.

– Не передергивай. Я не это имел в виду.

– Папа, – слышу пронзительный детский крик и рефлексивно оборачиваюсь на звук.

За шлагбаумом стоит маленькая растрепанная девочка в синей шапке с большим помпоном и тянет ко мне свои ручки. Охранник пытается ее отогнать, сдурел, что ли? Ребенок же. Девочка его обманывает, ныряет под шлагбаум и со всех ног несется ко мне. Слов нет. Молча наблюдаю, как она приближается.

– Папочка, – подлетает и обнимает мои ноги. – Наконец-то я тебя нашла.

Несколько секунд нахожусь в полнейшем шоке. Стою оглушенный и медленно соображаю. Что люди обычно делают в таких нелепых ситуациях?

– Отойди. Не трогай его, маленькое чудовище! – Карина пытается отлепить от меня девчушку, но та лишь качает головой и крепче вжимается в меня.

– Заткнись, – рявкаю на нее и небрежно отодвигаю в сторону.

Присаживаюсь перед девочкой на корточки. Хорошенькая такая. Смотрит на меня своими огромными глазами. Губы дрожат от холода или пережитого стресса, но улыбается. Так открыто и доверчиво, что сердце невольно сбивается с ритма.

– Ты ошиблась малышка. Я не твой папа, – грустно улы-

баюсь в ответ и поправляю съехавшую на бок шапку.

– Мой-мой, я точно знаю, – порывисто обнимает меня за шею. От неожиданности застываю, не зная, как себя вести. К такому меня точно не готовили.

– Цирк какой-то! – визжит Карина.

– Замолчи, я сказал, – рычу на нее и стреляю убийственным взглядом. Затыкается, отходит к машине и закуривает. Я думал, она бросила. Ведь знает, как меня это бесит. Но сейчас мне совершенно похер. Надо разобраться с девочкой.

– Как тебя зовут-то, дочка?

– Анна Иванна, – важно сообщает она. Надо же и отчество угадала, только вот детей у меня нет, да и залетов не припоминаю. Дети – мое табу.

– Где твоя мама? Ты, наверное, потерялась?

– Мою маму алестовали, – на ухо шепчет мне, видимо, чтобы Карина не слышала. – Но она ничего не делала.

– Так не бывает, – качаю головой и напряженно думаю, что предпринять в такой ситуации. Должны же быть какие-то специальные службы...

– Бывает! Во всем виноват тот дядя. Он плохой!

История все запутывается, но понятнее не становится.

– Мы опаздываем! – не выдерживает Карина и вновь начинает истерить. – Хватит с ней возиться, дай денег и поехали.

Шумно выдыхаю. Как же ты задолбала.

– Сначала надо разобраться. Нельзя ребенка одного на улице бросать. Она же малютка совсем. Сколько тебе лет?

– Пять.

Карина поджимает губы и отворачивается.

– Давай я помогу тебе добраться домой. Ты же помнишь, где живешь?

– Я не пойду домой. – Анна Иванна качает головой и капризно надувает губы. – Меня хотели в плиют забрать, а я убежала к тебе...

– Почему ко мне?

– Потому что ты мой папа, – довольно улыбается и теснее прижимается ко мне.

– Это я понял, с чего ты взяла?

– Мама ласказывала.

– Козырев, да бред это все! Поехали уже, я замерзла!

Да как же ты достала, бестолковая кукла!

– Не мешай. Если хочешь – езжай, водитель тебя отвезет, – делаю знак рукой, и один из охранников идет в нашу сторону.

– А ты?

– А я позже приеду.

Недовольно фыркает и идет к машине. Снимаю сигналку и отдаю ключи охраннику. Коротко объясняю, что нужно сделать, и вновь возвращаюсь к малышке.

– Так как, говоришь, зовут твою маму?

– А я еще не говорила, – хитро прищуривается.

– Скажешь?

Кивает и засовывает руку в карман. Вытаскивает помятую

фотографию и протягивает мне.

– Вот моя мама – Виктолия.

Забираю у девочки снимок и смотрю на счастливые лица, запечатленные на нем. Я и Вика. Сердце срывается в бешеный галоп, а дышать становится нечем, словно из легких выкачали весь кислород. Не может быть...

Время словно остановилось. Смотрю на фото и не могу противиться распирающим меня воспоминаниям. Глаза, лукавая улыбка, ямочки на щеках. Помню это лицо досконально, словно видел только вчера. Столько лет я безжалостно выжигал воспоминания об этой женщине в своей душе. Уничтожал малейшее напоминание о ее существовании. Работал круглосуточно, лишь бы не думать о ней, лишь бы не чувствовать боль утраты и пустоту одиночества.

Мне казалось, я справился. Забыл обо всем, что нас когда-то связывало. Стер ее из своей памяти, как ненужный элемент, и жестко оборвал последние нити. Я научился жить без нее, я стал другим...

– Пап, я замелзла. – Малышка трясет меня за пальто.

Опускаю растерянно взгляд. Девчонка стоит, трясется, зуб на зуб не попадает. И так доверчиво смотрит на меня, словно я рыцарь в сияющих доспехах. Ну как тут можно отказать?

– Пошли давай в офис. Будем греться, – беру ее за руку и веду к зданию. Радостно семенит рядом.

В голове полнейший хаос. Ни черта не понимаю, что происходит, но отчего-то не чувствую паники. Даже наоборот,

внутри как-то непривычно спокойно.

На лифте поднимаемся на нужный этаж. Везде темнота и тишина. Рабочий день давно закончен, и людей почти нет. Мой кабинет в конце коридора, и в нем до сих пор горит свет. Очень надеюсь, что мой секретарь еще не ушла и спасет меня, потому что я понятия не имею, что делать с ребенком.

– Папочка, нам туда? – шепотом спрашивает Анна Иванна и указывает пальцем вдаль.

– Да. Боишься темноты?

– Нет, – отрицательно качает головой и теснее прижимается к моей ноге. Не могу сдерживать улыбку. Такая смешная и непосредственная девчушка.

Доходим до кабинета, открываю дверь и пропускаю ребенка вперед.

– Здласти, – тянет девочка и прячется за меня, боязливо выглядывая.

Марина Владимировна оборачивается на звук, и ее глаза за толстыми диоптриями очков становятся больше.

– Здравствуй. Ты чья такая?

– Папина. – Марина переводит растерянный взгляд на меня. Я лишь развожу руками. Ну а что я ей скажу при ребенке?

– Иван Сергеевич, – она поджимает губы, чтобы не рассмеяться, – вас можно поздравить?

– Похоже на то, – улыбаюсь в ответ и неуклюже пробираюсь к своему кабинету.

Открываю дверь и включаю свет. Анна Иванна заходит

внутри и осматривается.

– Вау, – восхищенно выдыхает, стягивает шапку и куртку и отправляется на исследование новой территории. Наблюдаю за ней издалека и напряженно думаю, что мне делать дальше.

– Помощь нужна? – Марина останавливается за моей спиной.

– Не откажусь...

Какое-то время мы вместе просто наблюдаем за передвижениями малышки. Она носится по кабинету, переворачивая его вверх дном, и беспрестанно, что-то спрашивает. «А это что? А это для чего?» – самые любимые вопросы.

– И? – Марина выжидающе смотрит на меня. – Расскажете?

– Только в обмен на кофе, – невинно улыбаюсь ей. Она усмехается и уходит делать кофе.

Нас с Мариной связывают не только рабочие, но и теплые дружеские отношения. Я знаю ее мужа, семью. Мы иногда собираемся и проводим время вместе. Но на работе Марина не терпит панибратства. Всегда строгая и собранная. Она может все и не теряет выдержки в любой ситуации. Мой личный помощник, правая рука. Да нет, обе руки. Даже не представляю, что будет, если она когда-нибудь решит от меня уйти. Поэтому плачу ей очень и очень щедро.

– Анна Иванна, как тебя мама называет? – окрикиваю девчушку. Она останавливается и, хитро прищурившись, смотрит

рит на меня.

– А зачем тебе?

– Хочу знать, как мне сократить твоё имяотчество, – расплываюсь в улыбке от её милого кокетства.

– Я хочу, чтобы ты называл меня Нюся, – слишком пафосно для своего возраста произносит она.

– Почему Нюся?

– Мне так нравится.

Ну тут даже возразить нечего.

– Хорошо, Нюся. Посиди здесь одна пару минут, а мы с Мариной Владимировной поговорим за дверью, ладно?

– Ладно.

– Только постарайся ничего не раз...

Не успеваю договорить фразу, как ваза с нижней полки летит на пол и раскалывается на несколько частей. Благо не разлетается на осколки.

– Пласти. – Нюся закусывает губу и виновато опускает глаза. На неё даже сердиться невозможно. Подхожу к ней и глажу по тонким кудряшкам пшеничного цвета. Такие они, оказывается, необычайно мягкие и пушистые.

– Ничего страшного, – забираю бывшую вазу. – Аккуратнее, больше ничего не разбивай.

Нюся с готовностью кивает. И глаза такие честные-честные. Качаю головой, осознавая, как попал, и иду к выходу. Закрываю дверь и шумно выдыхаю. Маленький монстрик с моторчиком в одном месте остается внутри.

– Милая девчушка, – констатирует Марина, забирает разбитую вазу и подает мне кофе. Благодарно киваю, без сил падаю в кресло и делаю глоток обжигающего напитка.

– Марин, спасай. Что мне с ней делать?

– Ну для начала покормить. – Она опирается на свой стол ягодицами и складывает руки на груди.

– А что они едят?

– Не переживай, я уже все заказала. – Легкая усмешка появляется на ее губах, а в глазах пляшут веселые чертики. – Скоро привезут.

– Что бы я без тебя делал, – сокрушенно качаю головой.

– Женился бы давно. Вон хоть на своей Карине.

– Нет, спасибо. Вот на тебе бы и правда женился, – шутливо говорю я, прекрасно зная, что Марина поймет все правильно и не обидится.

– Опоздал. – Она разводит руки в стороны.

– Да, мой косяк.

– Где ты ее взял? – кивает на дверь, возвращаясь к насущной проблеме.

– На улице, – обреченно выдыхаю. – Сама пришла и утверждает, что моя дочь.

– И ты ей веришь? – Бровь Марины удивленно взлетает вверх.

– Я еще не решил... – уклончиво отвечаю и отвожу глаза в сторону. Мне нечего добавить. Я еще не отдуплился. Нахожусь в какой-то прострации. Все это происходит будто во-

обще не со мной.

– Лукавишь ты, Козырев, – цокает она языком. – Если бы не поверил, ни за что не привел бы сюда.

Невесело усмехаюсь. Иметь такого прозорливого друга – то еще удовольствие. Марина всегда бьет точно в цель, слишком хорошо знает меня, и смысла ее обманывать попросту нет.

– Скорее сомневаюсь... Ее мать я действительно знал, много лет назад... У нас были близкие отношения, но за-лет? – отрицательно качаю головой, до конца не веря в это. – Почему не сказала?

– Возможно, были причины. – Марина неопределенно пожимает плечами. – Сама-то она что говорит?

– Да ничего, я ее не видел, – отставляю чашку в сторону и подхожу к прозрачной стене, наблюдая за ребенком. – Нюся говорит, ее арестовали.

– Чем дальше, тем интереснее...

– Да пипец. Угомонилась вроде, – киваю на девочку, которая наконец перестала носиться и села на диван.

– Что-то она мне не нравится... – бормочет Марина и решительно идет к двери.

– Что ты имеешь в виду? – подрываюсь за ней и в следующую секунду раздается лающий непрекращающийся кашель.

– Принеси теплой воды и врача вызови. Срочно!

Наблюдаю за действиями Марины через прозрачную стену и набираю номер своего врача. Гудки сменяются бодрым «алло».

– Ты мне нужен. Срочно, – не терпящим возражения тоном говорю я.

– До завтра не ждет? – Эдуард явно не догоняет всей серьезности ситуации.

– Я сказал сейчас же, – рявкаю в динамик так, что Марина оборачивается на меня и недовольно хмурит брови. Блин, напугал, что ли?

– Хорошо-хорошо, – лебезит, вмиг став сговорчивее, доктор. – Куда подъехать?

– В офис ко мне, – благо адрес знает.

– Что взять с собой?

– Не знаю, – начинаю судорожно соображать, как вкратце изложить ситуацию. – Ребенок пяти лет. Сильно кашляет, – слышу очередной приступ, убираю трубку от уха и просовываю руку в дверь. Через несколько секунд возвращаю обратно. – Слышал?

– Да. Еду.

Сбрасываю звонок, беру теплую воду и иду кабинет. Отдаю Марине бокал, она осторожно поит Нюсю.

– Ну как ты, малышка? – присаживаюсь рядом с ней на

диван и осторожно глажу по тоненькой ручонке.

– Нормально, – бормочет в ответ, угасая на глазах.

В груди нещадно ноет. Так жалко этого крошечного и совсем незнакомого мне человечка. Непривычные, чужие эмоции растекаются внутри, делая уязвимым. Я не готов к этому. Я не хочу этого. Но противостоять не получается. За такой малюсенький промежуток времени этот ребенок умудрился стать центром моей вселенной. Это просто невыносимо. Невозможно. Невероятно.

– Что с ней? – поднимаю глаза на Марину.

– Температура поднялась... – Она склоняется к малышке и касается губами лба. – Тридцать восемь, не меньше.

– Только что же все нормально было, – раздражаюсь, не понимая, как такое вообще возможно? Может, я что-то сделал не так?

– Не знаю, – разводит она руки в стороны. – Может, было чуть лучше...

– Эдик скоро приедет. Пока ждем, что можем сделать?

– Давай для начала ее разденем.

Быстро стаскиваем одежду, оставляя ребенка в колготках и маечке. Марина приносит плед и накрывает ее до пояса. Затем на лоб опускает холодный компресс. Ждем.

– Есть кто живой? Где мой пациент? – раздается голос Эдика из коридора. Подрываюсь и иду ему на встречу. Распахиваю дверь, он едва не врывается в меня.

– Иди давай сюда.

– Кто это у нас? – Эдик расплывается в улыбке, увидев девочку.

– Дочь, – хмуро сообщаю ему, подталкивая ближе к дивану.

– Не знал, что у тебя есть дети.

– Я тоже, – бормочу себе под нос.

Он сразу включается в работу, надевает перчатки и достает все необходимое из небольшого рюкзака.

– Мне нужно больше света.

Марина торопливо щелкает выключателем и загорается основной, яркий свет. Все зажмуриваются, лишь Эдик никак не реагирует. Действуя быстро, меряет температуру и прощупывает лимфоузлы.

– Как тебя зовут? – Он мягко улыбается, пытаясь найти контакт с ребенком.

– Анна Иванна, – хмурится девочка, с подозрением поглядывая на него.

– Ну что, Анна Иванна, давай посмотрим, что с тобой? Открой ротик, – достает деревянную палочку и фонарик.

– А уколов не будет? – уточняет она и предупреждающе сводит брови.

– Не будет. – Эдик смеется и прижимает руку к своему сердцу. – Клянусь старой черепахой и всеми ее родственниками.

Девочка удовлетворенно кивает, видимо, поверив ему, и открывает ротик, послушно позволяя себя осмотреть.

– Ну что там? – Молчание Эдика вымораживает. Скажи ты, что с ребенком, и осматривай дальше.

– Ничего критичного. – Он поворачивается ко мне и поправляет толстые очки на носу. – Всего лишь фарингит.

– Одно слово уже звучит критично, – выдыхаю я и качаю головой, не имея ни малейшего представления, что со всем этим делать.

– Лечиться будем?

– Я не люблю лечиться, – ворчит Нюся и исподлобья поглядывает на меня.

– А болеть любишь? – говорю первое, что приходит в голову.

– Нет... – хмурится она еще больше, но потом обреченно вздыхает. – Плидется лечиться.

– Вот и умничка. – Эдик расплывается в улыбке и набирает какой-то сироп в шприц без иглы. – Давай-ка выпьем вот это от температуры. А потом я твоему папе напишу, что делать дальше. Ты выполняй все, что он скажет, а через три дня я приеду и проверю, как дела. Хорошо?

– А ты не обманешь? – хитренько прищуривается она, становясь похожей на лису.

– Ни за что, – клятвенно обещает Эдик и вливает ей в рот лекарство из шприца.

Нюся с довольной улыбкой укладывается на подушку. Эдик достает блокнот и что-то быстро пишет, а я странно нервничаю.

– Вот. Ингаляции обязательно. Пока давайте без антибов попробуем, но если темпа будет держаться, придется добавить.

Протягивает лист бумаги мне, но Марина перехватывает его и убирает в сумочку.

– Так, я в аптеку, потом все объясню, – говорит она, на ходу одеваясь. – А ты дождись курьера с ужином.

Растерянно киваю и поворачиваюсь к Эдику.

– Я тоже пойду. Выздоровливай, Анна Иванна.

– Пойдем провожу.

Доходим до двери вдвоем.

– Ну и что это за хрень? Точно не опасно? – уточняю на всякий случай, ибо совсем ничего не понимаю.

– Опасно, глотка отекает, и воздух не проходит внутрь, – со знанием дела говорит Эдик, и не верить его знаниям у меня нет причин. – Я там все написал. Главное, следить за состоянием и в случае приступа сразу делать ингаляцию. Она снимет отек.

– Спасибо, – жму его руку и отдаю денег за срочный вызов.

– Да не за что. Обращайся.

Он уходит, и мы остаемся с Нюсей вдвоем. Прикрываю дверь и возвращаюсь к ней. Сажусь на диван и откидываюсь на спинку.

– М-да... – серьезно тянет девочка. – Вот такая тебе досталась болезная доча...

– Чего? Какая? – невольно улыбаюсь и перехватываю ее расстроенный взгляд.

– Болезная. Мама так всегда говорит, когда я болею... – Тяжелый вздох срывается с ее губ.

– И часто ты болеешь?

– Частенько, – еще один горестный вздох.

– Все будет хорошо, – уверенно обещаю я, хотя сам еще не знаю ни «что» будет, ни «как» будет.

Какое-то время мы молчим. Мне даже кажется, что она начинает дремать, я и сам прикрываю глаза.

– Пап, – нехотя открываю и поворачиваюсь к ней. – А когда я поплаволюсь, мы поедем к маме?

Вопрос Нюси ставит меня в тупик. Как я могу что-то пообещать в данной ситуации, если даже не представляю, как из нее вырулить. Врать ребенку не хочется, но и обнадеживать как-то неправильно. Взъерошиваю волосы и шумно выдыхаю.

– Ты знаешь, где она?

– Нет, но ты же найдешь? – с такой надеждой и благоволением смотрит мне в глаза, что внутри все скручивается в тугую узел. А-а-а, это какой-то треш! Как меня угораздило так вляпаться?

– Попробую, – выдавливаю из себя. Все равно выхода другого нет. – Но ты должна мне помочь.

– Как?

– Расскажи, что случилось, когда маму забрали в поли-

цию.

Нюся укладывается поудобнее, забавно хмурится и от волнения начинает ломать пальцы.

– Мы читали сказку перед сном. В двель позвонили. Мамочка отклыла, а там эти дяди. Они ее увели, а меня отдали тете Вале, нашей соседке.

Ну вот. Кое-что начинает проясняться. Надо найти эту тетю Валю и все у нее выяснить. Сотрудники полиции наверняка ей предоставили хоть какую-то информацию.

– Как мне найти эту соседку?

– Не надо ее искать. – Глаза девочки распахиваются от ужаса, становясь похожими на огромные блюдца. – Она очень плохая! Я слышала, как она по телефону говорила, что хочет меня сдать в детский дом.

Неосознанно нахмуриваюсь. Ребенок явно напуган и вряд ли будет врать. Ладно, оставим тетю Валю на потом.

– Как ты попала ко мне?

– По телеку увидела лекламу и тебя в ней. Там был адрес. Я сбежала от этой противной тетки к тебе, – довольно рассказывает Нюся и нетерпеливо ерзает на диване.

Как-то все это подозрительно и невероятно. Так просто не бывает.

– Одна. Ночью. И нашла нужный адрес? – уточняю на всякий случай и лукаво усмехаюсь, замечая обманки в ее глазах.

– Мне Витя помог, внук тети Вали, – тихо отвечает она и виновато опускает глаза. – Ох и влетит ему, навелное...

– Да уж...

– Потелпит. Он же мужчина!

– Кто такой Витя? – со вздохом спрашиваю я и сжимаю переносицу пальцами. Запутался уже и ничего не понимаю в этом бессвязном рассказе.

– Витя – мой жених, когда я выласту – мы поженимся, – со всей серьезностью заявляет Нюся. – Он уже большой. Учит-ся во втолом классе.

Вот только Вити нам и не хватало для полного счастья. Качаю головой и не могу сдержать улыбку. Прямо Ромео и Джульетта вырисовываются. Милота, да и только. Только речь сейчас совсем не об этом. Надо найти беспутную мать и спросить с нее за все это великолепие.

– А про какого ты дядю говорила? – неожиданно вспоминаю я.

– Дядя Миша злой. Он плиходил к нам и лугался с мамой. Они думали, я сплю, а я не спала и все слышала. А мама потом плакала.

Сколько персонажей, твою мать. Как распутать этот гребаный клубок? Бью себя ладонью по лбу и медленно провожу по лицу. Кем может быть дядя Миша? Любовник? От этих мыслей становится не по себе, а в груди странно свербит. Какое мне вообще дело до мужиков Вики? Мы давно расстались и теперь чужие люди. Все. Эта тема закрыта. Мне нужна только четкая информация, чтобы хоть что-то выяснить, и никаких соплей.

– Какая у тебя фамилия? – спрашиваю, хотя уже знаю ответ.

– Как и у мамы – Альпинская.

– Красивая. – Невольный вздох срывается с губ, и волна воспоминаний уносит меня на шесть лет назад. В нашу первую встречу с Викторией.

Нежная, улыбчивая девушка. Первокурсница в платье в мелкий цветочек.

– Как зовут тебя, Цветочек?

– Виктория Альпинская, а вас?

– Козырев Иван.

– Будем знакомы, – слегка пожимает мою руку и, звонко смеясь, бежит от меня в здание института. Покорила. С первого взгляда и наповал.

– Какая твоя мама? – неосознанно задаю вопрос, все еще находясь во власти своих видений.

– Мамочка такая класи-ивая и еще доблая. – Нюся сжимает кулачки и прижимает их к груди. – И кашу вкусную умеет валить.

– Она тебя не обижает? – уточняю на всякий случай. Все же вероятность, что девочка выдумала всю эту историю, есть. Может, просто сбежала из дома.

– Нет. – Нюся расплывается в довольной улыбке. – Только целует и обнимает.

– А про меня что она тебе рассказывала?

– Что ты очень холоший, плосто запутался. А еще что ты

нас любишь. Это же плавда? – перехватывает мой взгляд, надеясь на положительный ответ. А я не знаю, что сказать. Какое-то отупение накрывает меня. Язык просто не слушается, а мысли не формируются.

Стук в дверь заставляет вздрогнуть. Перевожу взгляд и вижу сквозь прозрачную дверь курьера с пакетами из ресторана. Как же вовремя. Забираю у него еду и расплачиваюсь.

– Вот и ужин, – показываю Нюсе пакеты и придвигаю ближе журнальный столик.

– Я хочу кушать. – Она радостно хлопает в ладоши.

– Суп? – достаю первую баночку с еще не остывшим первым блюдом.

– Бе-е-е. – Нюся морщится так, будто я ей лягушку предложил. А зря, в этом ресторане готовят бесподобный суп. Откладываю себе.

– Рыба, котлета? – достаю еще две баночки и показываю маленькой привереде.

– Котлету, котлету!

– Тогда с пюре, – строго предупреждаю ее. Одной котлетой сыт не будешь. Хотя кто их знает, этих детей.

– Ладно, – соглашается Нюся. Ставлю перед ней несколько открытых баночек и подаю пластиковую вилку. С интересом рассматривает ее и начинает есть.

Некоторое время наблюдаю за ней, убеждаюсь, что помощь не нужна, и решаю перекусить сам. Когда попаду домой, пока неясно, а потом еда остынет и будет уже невкусной.

– Ну как вы тут? – Марина появляется бесшумно. Вздрагиваю от неожиданности, проливая пару капель себе на рубашку, и мысленно матюкаюсь.

– Не видишь, ужинаем, а ты тут под руку...

– Приятного. – Она улыбается, нисколько не обижаясь на мою резкость. – Вижу, неплохо справляетесь и помощь не нужна?

– Вроде да, – неопределенно пожимаю плечами. – Все купила?

– Да, сейчас расскажу тебе все по назначениям и поеду домой. Мой звонил, уже переживает, – торопливо вытаскивает из пакета разноцветные коробочки с лекарствами и кладет себе на стол. Ничего не остается, как бросить ужин и подойти к ней.

– Давай ребят попрошу довезут тебя? Поздно уже.

– Не надо, я сама.

Спорить бесполезно. Марина – барышня упрямая, если что втемяшила себе в голову, что-то доказывать себе накладнее. Марина быстро рассказывает мне что, для чего и в какой последовательности. Ингаляции, полоскания, таблетки, сиропы. Мама дорогая, я даже не представлял, что существует столько видов лекарств.

Убедившись, что я все запомнил правильно, Марина забирает сумочку и идет к лифту. Провожая ее и возвращаясь в кабинет. Малышка тихо и мирно спит. Улыбаюсь, накрываю ее пледом и осторожно, чтобы не разбудить, выхожу из

кабинета. Прикрываю за собой дверь и достаю телефон. Нахожу своего безопасника и нажимаю дозвон.

– Да, босс. – Бодрый голос Кирилла звучит в динамике. В любое время дня и ночи готов к выполнению моих поручений. Ценю и уважаю!

– Кир, мне срочно нужна информация про одну женщину. Альпинская Виктория Сергеевна, двадцать пять лет.

– Что-то конкретное?

– Все, что сможешь найти в кратчайшие сроки, – немного подумав, все же добавляю: – В том числе и где она сейчас находится. Есть вероятность, что ее сегодня арестовали.

– Понял, к утру все будет.

– Спасибо. Жду.

Сбрасываю вызов и прислоняюсь лбом к прохладному стеклу. Сквозь него смотрю на девочку, спящую на диване. Вика-Вика, что ж ты натворила? Зачем ты сделала это с нами?

Глава 2. Виктория

Серые бетонные стены, окно под потолком с массивными решетками, две двухъярусные кровати и между ними стол. Вот и все, что меня окружает со всех сторон. Мои сокамерницы играют в карты и громко комментируют свои действия, а я никак не могу найти себе места. А всему виной он – Михаил Лютаев. При одной мысли об этом человеке неприятный холодок бежит по позвоночнику, а кожа покрывается колючими мурашками. Ненавижу, сволочь! Я ведь ничего не сделала. Даже дорогу перехожу всегда на зеленый свет или по зебре. За что?

На душе очень беспокойно, как там моя малышка? Переживает, наверное, сильно. Глубоко дышу, чтобы сдержать опять подступившие слезы и брожу из угла в угол, как зверь, запертый в клетку. Хотя я и правда в клетке, из которой не выбраться. Но самое страшное, что я не понимаю почему.

В коридоре слышатся шаги. Все оборачиваются на дверь и замирают. Та со звучным лязгом распаивается.

– Альпинская, на выход. – Ехидный голос надзирателя током проходит по венам, заставляя вздрогнуть. Нервно сглатываю, но не шевелюсь. – Оглохла, что ль? Или персональное приглашение нужно? – гаденько посмеивается и прожигает меня каким-то мерзким, сальным взглядом.

– Куда? – тихо спрашиваю его и робко делаю пару шагов

вперед.

– Отчитаться забыл. – Его губы растягиваются в зверином оскале. – Сама увидишь.

Судорожно вздыхаю и выхожу из камеры. Теперь мне становится еще страшнее. Неизвестность и безнадега окружают со всех сторон.

– Лицом к стене, – послушно выполняю и чувствую, как запястья сковывает холодный металл. – Прямо иди. – Надзиратель небрежно толкает меня в нужном направлении. Опускаю голову и иду. Что еще мне остается? Дрожь сотрясает все внутренности, до боли закусываю губу, чтобы не заскулить жалобным щенком.

– Лицом к стене, – опять рывкает надзиратель рядом с какой-то дверью. Снимает наручники и распахивает ее. – У вас не больше десяти минут, – сообщает кому-то, грубо вталкивает меня внутрь и закрывает дверь.

– Ну здравствуйте, Виктория Сергеевна. – Узнаю этот голос по первым звукам и резко оборачиваюсь, встречаясь взглядом с Михаилом Лютаевым. Надменная ухмылка на его лице не предвещает ничего хорошего.

Титаническим усилием воли давлу в себе стремительно разрастающуюся панику. Все же презрение к этому человеку сильнее страха.

– Зачем вы здесь? – вместо приветствия холодно интересуюсь, потирая запястья, которые совсем недавно сжимали металлические «браслеты».

– Как это зачем? – Ирония сочится в каждой интонации. – Я пришел, чтобы помочь вам.

– Вы? Мне? – усмехаюсь, не веря ни единому слову. Благодаря ему я здесь. Он подставил меня. А потом написал заявление, что я украла его супер дорогие «ролексы». Теперь что, решил поиграть в благородного рыцаря?

– Представь себе, – проходит к столу, стоящему посередине, и присаживается на столешницу. – Одно мое слово – и ты сегодня же окажешься дома.

Показательно переходит на «ты», демонстрируя мое место и свое превосходство.

– Как интересно...

– Наоборот, очень скучно. Рутинa. Я просто заберу заявление, и никакого дела на тебя не будет.

Качаю головой. Таких сволочей я еще не встречала. В груди разрастается опасное, ядерное пламя. Хочется послать все к чертям и вцепиться в его довольную физиономию, но держу себя в руках. Понимаю, что с последствиями просто не справлюсь.

– Что же мне для этого нужно сделать? – складываю руки на груди и склоняю голову набок, рассматривая его.

– Всего лишь согласиться на условия, которые я озвучивал ранее, – словно между делом заявляет он.

– В прошлый раз я доходчиво объяснила, что не собираюсь становиться любовницей. Ни вашей, ни чьей-нибудь в принципе, – напоминаю ему и нервно сглатываю ком в горле.

– Пришло время передумать.

– Я не передумаю.

– Да куда ты денешься, – начинает хохотать, а у меня сердце уходит в пятки. Господи, как противостоять такой махине. – Запомни, – ловит мой взгляд, – либо ты ляжешь под меня, либо сядешь! – говорит четко и жестко, добивая меня окончательно.

– Господи, да зачем я вам? – Мой голос предательски дрожит от отчаяния. – У вас же свадьба скоро...

– Это неважно. Я захотел тебя, – указывает в меня пальцем. – И я тебя получу, чего бы мне это ни стоило.

От одной мысли, что он будет касаться меня, целовать, становится дурно. Не могу и не хочу. В моей жизни был и есть один мужчина. После него все остальные кажутся серыми и пресными. А насиловать себя я не позволю.

– Нет, – холодно отвечаю, взяв себя в руки. – Этого никогда не будет.

– Уверена? – В его голосе вновь появляются издевательские нотки. – У тебя ведь дочь малышка, – знает больные места и безжалостно лупит по ним.

– Что с ней? – Сердце замирает в груди.

– Не знаю, – разводит руки в стороны. – Но если тебя посадят – ей светит детдом. Хочешь такой судьбы своей дочери?

Мне нечего ответить. Одним махом он разбил меня. Уничтожил. Как с ним бороться, я просто не представляю.

– Времени тебе до завтра, иначе делу будет дан ход.

Проходит к двери и громко бьет по ней кулаком.

– Мы закончили.

Вздрагиваю и прикрываю глаза, пытаюсь не разрыдаться прямо здесь и сейчас. Только не при нем.

* * *

Сию на нарах и мерно раскачиваюсь вперед-назад, чтобы хоть как-то успокоиться. До сих пор колотит от пережитого стресса так, что зуб на зуб не попадает и слезы нескончаемым потоком текут из глаз. Как я могла так вляпаться? Какая же я дура! Поверила сладким речам Михаила и так больно обожглась.

– Ну что ты все воешь и воешь? – слышу грубоватый голос одной из сокамерниц и поворачиваюсь в их сторону. Три пары глаз настороженно рассматривают меня. Этого еще не хватало для полного счастья. Веду плечами, скрывая нервную дрожь, и громко шмыгаю.

– Ну вот, навела нам тут сырость, – скрипит вторая, поднимается и идет в мою сторону. Забираюсь с ногами на кровать и забиваюсь в угол.

– Пожалуйста, не надо, – зажимаюсь и утыкаюсь в свои колени.

– Не надо «что»? – Чувствую, как кровать под ее весом прогибается, и инстинктивно начинаю дрожать еще сильнее.

В памяти сразу всплывают слухи и кадры из каких-то криминальных сериалов, где самого слабого в камере избивают.

– Эй, девонька, – подключается третья. – Посмотри-ка на меня.

Нехотя поднимаю голову и распахиваю веки. Все трое уже около меня, но в их лицах нет ни агрессии, ни злости.

– Что у тебя случилось? Ты нам расскажи, может, сможем помочь, хотя бы советом, – говорит третья и тоже впихивается на мою узкую кровать.

– Да-да, расскажи, – подключается вторая.

– За что тебя сюда упрятали? – и первая не сбавляет на-тиск.

– Меня подставили, – вновь шмыгаю, сдерживать слезы не получается. – Я ничего ни у кого не крала, – качаю головой, отрицая такую возможность в принципе.

Они переглядываются между собой и снисходительно усмеваются. Не верят. Никто не поверит. Даже слушать не будут.

– Ты расскажи, как дело было, – просит третья.

Судорожно всхлипываю и устремляю невидящий взгляд в пространство. Воспоминания захватывают меня, перенося на полгода назад, в первую нашу встречу с Лютаевым. Решаюсь и начинаю сбивчиво рассказывать свою историю.

– Мне очень нужна была работа с гибким графиком, так как дочка очень часто болела и в детский сад ходила урывками. Пришла на собеседование, и Михаил сразу предложил

мне должность в своей фирме. Несложная работа с документами, для моего экономического образования вообще пустяковая, но хорошо оплачиваемая. Но главное – ненормированный график, лишь бы к нужному времени все было готово. Я с радостью согласилась.

– А подставил тебя кто? – спрашивает вторая.

– Михаил.

– Я так и знала, что без мужика тут не обошлось, – хихикает первая.

– Да погодите вы, дальше давай, – осаживает их третья.

Киваю и продолжаю.

– Несколько месяцев все было нормально. Мне казалось, что всех все устраивает. Как же я ошибалась тогда... Михаил начал оказывать мне едва заметные знаки внимания, улыбаться без повода, будто случайно касаться... Уже тогда надо было бежать без оглядки, но мне так нужна была эта работа... я вынуждена была остаться, пока не найду что-нибудь другое. Ведь нас с дочкой кормить больше некому.

– М-да, девонька, тебе бы паранджу надеть, тогда и проблем было бы меньше.

– Не мешай.

– Я стала внимательнее следить за его действиями и передвижениями, чтобы лишний раз не провоцировать, старалась не попадаться на глаза. Но однажды он позвонил и сказал, что надо срочно привезти документы. Я не могла отказать ему как начальнику. Пришлось идти. Он замкнул дверь

и начал приставать, зажал меня около стола и пытался изнасиловать. Я кричала, вырывалась, но никто не пришел мне на помощь. Не знаю, как мне удалось вырваться. Пнула его коленом в пах и сбежала. В тот же день написала заявление на увольнение. А через два дня за мной пришли из полиции и обвинили в том, что я украла у него очень дорогие часы...

– М-да, ситуация... ну а реветь-то чего? Надо адвоката искать. – Первая сразу начинает фонтанировать идеями.

– Вот же скотина. Как таких земля только носит?.

– Михаил приходил ко мне... – дрожащим голосом продолжаю я.

– Это к нему тебя водили? – сразу соображает третья.

– Да. Он угрожает мне, вынуждая стать его любовницей, иначе меня посадят. А мне нельзя в тюрьму, – вновь начинаю захлебываться слезами. – У меня дочка маленькая, одна дома осталась.

– Дома?

– У соседки. – Голос срывается, а из горла вырываются громкие рыдания.

– Ну-ну, перестань. – Третья прижимает мою голову к себе и гладит по волосам, пытаюсь успокоить. – Главное, никто не умер. А с остальным что-нибудь придумаем.

Глава 3. Иван

Нюся спит, тихо посапывая, а я просто наблюдаю за ней через стекло. Наверное, пытаюсь найти какие-то свои черты, но ничего определенного не вижу. Она однозначно похожа на Вику. Очень-очень. Но на меня... качаю головой.

Надо написать матери и попросить прислать мои детские фотографии. Хотя нет, это провальная затея. И огромное количество ненужных вопросов. Проще и безопаснее для нервных клеток сделать ДНК-тест. Но я почему-то не хочу торопиться. Даже, скорее, боюсь. И сам себя не понимаю.

Марина права, я поверил этой девочке, проникся новым статусом и теперь не хочу его терять. Что, если в конверте будет нулевой результат? Нет. Я пока не готов узнать правду. Пусть все идет, как идет...

Пронзительная трель телефонного звонка разрезает тишину кабинета. Вздрагиваю от неожиданности и, мысленно матерясь, ищу голосащее чудовище. Смартфон, как назло, лежит на столе, в пяти метрах от меня. Подрываюсь к нему, чтобы не разбудить девочку и, не глядя на дисплей, зло шиплю в микрофон.

– Козырев.

– Вань, ну ты где? – Недовольный голос Карины, словно сверло, вонзается в мой мозг. Бли-и-ин... Совсем забыл и про нее, и про ее корпоратив. Шумно втягиваю носом воз-

дух, прекрасно понимая, что надо решать еще и эту проблему, а сил не осталось ни моральных, ни физических.

– В офисе, – раздраженно цежу сквозь зубы.

– Что ты там делаешь? Уже почти десять! – негодует она, а меня резко сносит в негатив. Какого хера позволяет себе подобный тон? Мой косяк. Слишком распустил ее в последнее время. Пора исправлять.

– Тебя это не касается, – холодно сообщаю, стараясь сохранять спокойствие и не дать ей эмоций. – Извинись за меня, я не смогу приехать.

– Что? – Карина борзеет на глазах и срывается на возмущенный крик. – Ты с ума сошел? Все только тебя и ждут! Я же обещала...

– Хватит! – рявкаю в трубку, грубо осаживаю ее. – Я сказал не могу, значит, не могу!

– Ты там с этой оборванкой, да? Променял меня на нее?

– Заткнись! – предупреждающе шиплю, еще чуть-чуть – и она огребет по полной, если не остановится.

– Что, правда глаза колет?

– Карина, – специально выдерживаю паузу и говорю четко и очень доходчиво: – Если ты сейчас же не прекратишь этот концерт, твой номер пополнит черный список в моем телефоне.

На несколько секунд повисает тишина. Видимо, все же удалось достучаться до ее разума. Карина далеко не дура, чтобы так рисковать. Наши необременительные отношения

и так держатся исключительно на ее энтузиазме и моей потребности временами снимать напряжение.

– Прости, – выдыхает она, сразу же перестраиваясь. – Я просто вспылила. Жду тебя уже так долго...

– Все. Заканчивай. Завтра поговорим.

– Почему завтра? – Тон скачет с возмущенного на просительный. – Мы сегодня разве не вместе?

– Извини, не могу, – усмехаюсь, глядя на ворох лекарств на столе. Вряд ли Карину впечатлит такой расклад, а другого я предложить не могу.

– Да что происходит? Я ждала этого вечера, этой ночи почти две недели для того, чтобы ты меня вот так просто отшил?

– Я все сказал. До завтра, – сбрасываю звонок и облегченно выдыхаю.

Хватит на сегодня приключений. Пора ехать домой и Нью-сю забрать. Не хорошо это – спать на офисном диване. Выспимся, а утром уже будем решать, что делать дальше.

Сгребаю в пакет лекарства и набираю номер Галины Федоровны, моей домработницы.

– Да, Ванечка, – почти сразу отвечает та.

– Добрый вечер. Вы можете приготовить комнату поближе к моей.

– Конечно. У нас гости?

– Да. Девочка пяти лет.

– Хорошо. – Голос вздрагивает от удивления, но она не

решается на лишние вопросы. — Я все сделаю. Не переживай.

— Спасибо. Скоро приедем, — сбрасываю вызов, быстро набираю сообщение, чтобы машину прогрели и подогнали к входу, и убираю телефон в карман. Осталось только разбудить принцессу и доставить в замок. Надеюсь, ей там понравится.

Вхожу в кабинет и присаживаюсь на корточки перед диваном. Меряю малышке температуру инфракрасным градусником. Тридцать семь и три. Уже неплохо.

Кидаю градусник в пакет с лекарствами и осторожно трясусь девочку за плечико.

— Нюсенька, просыпайся. Нам пора ехать.

Она открывает глаза и так серьезно смотрит на меня своим серьезным взглядом.

— К маме? — с надеждой в голосе спрашивает.

— Нет, — качаю головой. — Ко мне домой.

— А где ты живешь? — В демоненке вновь просыпается любопытство. Интересно, мое жилище выдержит этот набег?

— За городом.

— Класс, — показывает два больших пальца. — А собака есть?

— Целых две, — смеюсь я, помогая ей сесть и одеться.

— Покажешь?

— Обязательно.

— Ой, там котлетка осталась, давай возьмем собачкам?

— Не нужно. Они едят только корм, — присаживаюсь пе-

ред ней на корточки, пытаюсь разобраться, как все это на ней было надето.

– Фу, гадость какая, – ворчит недовольно и забирает у меня шапку. – Я сама умею.

Облегченно выдыхаю, наблюдая, как Нюся и правда сама себя одевает.

– Пойдем, – деловито натягивает перчатки и подает мне руку.

– Ну пойдем, – усмехаюсь, забираю все необходимое, и мы идем к выходу.

* * *

По дороге Нюся опять засыпает. Делаю музыку тише и сосредотачиваюсь на заснеженной загородной трассе. Дорога узкая и скользкая с обеих сторон лес. Крупные снежинки сплошным потоком сыпятся под колеса. Красота, будто лечу в космосе, жаль, девочка спит, ей бы понравилось.

Телефон призывно вибрирует в кармане. Достая и смотрю на дисплей – «Мама». Конечно, как же без нее. Видимо, сегодня меня просто решили добить. Глубоко вздыхаю и принимаю звонок.

– Здравствуй, мама, – говорю как можно тише, чтобы ненароком не разбудить малышку.

– Здравствуй, сын, – хмыкает она. – Что, времени, чтобы позвонить матери, не нашлось?

– Повода не было, – обреченно вздыхаю. Сейчас, как всегда, начнется чтение моралей на тему, какой я плохой сын.

– Разве для этого нужен повод?

– Хочешь сказать, что звонишь просто так? – невольно усмехаюсь, эта женщина никогда и ничего не делает бескорыстно.

– Почему нет? Я хочу узнать, как твои дела, – ожидаемо возражает, только я не верю ни единому слову. Вчера, например, ей было не интересно, как у меня дела. В общем-то, неделю назад тоже, а вот именно сегодня захотелось узнать. Бред.

– Все по-прежнему прекрасно, – тем не менее, спокойно отвечаю я. – С последнего нашего общения ничего не изменилось.

– Сынок, ну неужели ты до сих пор злишься? Столько времени прошло...

Стискиваю телефон сильнее и чаще дышу. Как всегда в десятку. Больно. Наотмашь. До сих пор не могу простить ей, что Вика ушла. До сих пор виню ее в этом. Я все понял. Смирился. Но простить так и не смог.

– Я не злюсь, мам, – получается как-то вымученно. – Все давно в прошлом.

– Ну и хорошо, – чувствую, что улыбается. – Скоро Новый год.

– Я в курсе. Через две недели.

– Где собираешься отмечать?

Перевожу взгляд на тихо спящую девочку и понимаю, что понятия не имею, где буду отмечать и буду ли вообще. Но матери я этого сказать не могу. Не сейчас. Когда-нибудь потом. Наверное...

– Не знаю, не думал об этом, – вру без зазрения совести. – Наверное, дома. Да и времени нет на отмечания...

– Не говори глупости, – вскрикивает она. – Новый год – это семейный праздник, и отмечать его надо в кругу близких.

Очередное бла-бла-бла. Я шесть лет не отмечал Новый год в родном доме, и ничего. Как-то пережили близкие без меня, обойдутся и в этот раз.

– Мам, – устало вздыхаю и быстро ищу достойную отмазку, но, как назло, ничего в голову не приходит.

– Нет, подожди. – Она быстро заполняет мою паузу. – Твои братья обещали приехать. Мы тебя ждем. Ну хочешь, бери с собой свою Карину.

Надо же, какие жертвы. Ухмылка сама по себе растягивает губы. Ведь мама ее терпеть не может, а тут «бери с собой». Да и с братьями – запрещенный прием. Давно не виделись. Было бы неплохо встретиться и просто пообщаться, как раньше.

– Я подумаю, – самый оптимальный и нейтральный вариант.

– Отказы не принимаются, – быстро говорит она и сбрасывает звонок.

Ну вот, теперь еще и это. Небрежно бросаю телефон на пассажирское сидение. Где я так накосячил, что меня обыс-

пало проблемами, как из рога изобилия? Ладно, как-нибудь разрулю.

Воспоминания упрямо пожирают, но я упорно сопротивляюсь. Не хочу возвращаться в прошлое. Не хочу вновь переживать тот ужас, когда я вернулся домой и вместо любимой девушки увидел гребаную записку:

«Прости. Так всем будет лучше. Я не люблю тебя и могу больше обманывать. Будь счастлив».

Мать была там. Отпустила ее. Не позвонила мне. Да пипец! Хватит!

С силой сжимаю руль и устремляю напряженный взгляд строго вперед. Бешусь внутри себя, прекрасно понимая, что виноват во всем сам. Не вывез ситуацию. Или просто ошибся. Доверился женщине, пустил ее глубоко в свое сердце. А она убила меня. Точнее, это я позволил ей убить меня. Но я смог восстать из пепла, словно феникс. И теперь совсем другой.

Слава богу, мой поворот. Сворачиваю и паркуюсь около дома. Выхожу на улицу и зябко передергиваю плечами от мороза, сразу же пробравшегося под пальто. Открываю пассажирскую дверь и освобождаю сладко посапывающую девочку от ремня. Благо в машине есть штатное детское кресло и не пришлось пренебрегать безопасностью. Осторожно беру на руки и ногой пинаю дверь. Нюся просыпается, что-то бормочет и вновь засыпает.

Иду к дому. Галина Федоровна встречает на пороге.

– Ванечка, я все приготовила. Комната напротив твоей.

– Хорошо, спасибо. Поможете мне?

– Конечно, чем?

– Я пока отнесу ребенка, а там в машине пакет с лекарствами.

– Хорошо-хорошо, я все принесу.

Отдаю ей ключи и иду к лестнице на второй этаж. Комната и правда готова, даже кровать разложена. Аккуратно кладу Нюсю на постель и включаю ночник. Кое-как раздеваю и укрываю одеялом. Трогаю лоб – вроде горячий. Блин, опять, что ли, температура растет? Вот засада-то... Надо срочно найти сиделку, ну не мое вот это все. Я даже не понимаю, с какой стороны подступиться. И вреда от меня будет больше, чем пользы.

– Вань, можно? – За спиной звучит тихий шепот Галины Федоровны.

– Да, заходите.

– Вот. – Во взгляде недоумение вперемишку с любопытством, но вопросов не задает.

– У нее, кажется, опять температура поднялась, можете найти в этом пакете нужный сироп? А я пока попробую найти сиделку.

– Зачем?

– Эта девочка – моя дочь, – немного смущаясь, слово «дочь» приятно ласкает рот. – Ее зовут Нюся, и она болеет. Кажется, фарингит... – терпеливо поясняю. – Тут вот целый

список лечения, я не знаю, что с этим делать, – вытаскиваю из кармана лист бумаги, старательно расписанный Эдиком.

Внимательно читает и добродушно улыбается.

– Ванечка, да не переживай. У меня двое детей выросло и внучка примерно такого возраста. Сами справимся и без сиделки. – Галина Федоровна сразу принимается доставать лекарства и раскладывать их в только ей понятном порядке.

– Уверены? – с сомнением спрашиваю я, глядя на список необходимых процедур.

– Абсолютно. Мне только в радость. Иди отдыхай, – провожает меня за дверь. – Если что-то понадобится, я тебя позову.

– Спасибо, – порывисто обнимаю ее. – Вы моя спасительница.

– Ох, и плут же ты, Ванечка.

Улыбаюсь и иду в свою комнату. Надо хоть в порядок себя привести.

Глава 4. Иван

Противная мелодия лупит по мозгам. С большим трудом заставляю себя проснуться, наощупь нахожу телефон и отключаю будильник. В глаза словно песка насыпали. Тру их пальцами и крепко зеваю. Ночь выдалась «жаркая». Температура у Нюси поднималась пару раз, а еще этот жуткий, лающий кашель... Слава богу Галина Федоровна была рядом. Помогла справиться и с приступом, и с температурой. Я очень ей благодарен, даже не знаю, что бы делал без нее.

Никогда не хотел детей. Даже не так. Был уверен, что у меня их не будет. Они всегда вызывали у меня тревогу и панику. Но у жизни, видимо, свои планы на этот счет. А как так вышло, надо бы спросить у главной виновницы – Вики. Найти бы ее только. Открываю почту на телефоне и просматриваю письма. Ищу от безопасника – пусто. Рано, видимо. Ладно, он обещал утром. Никогда не подводил.

Пока соберусь, а потом наберу его. Разминаю мышцы и нехотя поднимаюсь с кровати. Рабочий день никто не отменял.

Контрастный душ почти делает из меня человека. Свежая рубашка, брюки, часы. Закидываю телефон в карман и выхожу из комнаты. Толкаю дверь к Нюсе, но ее в комнате нет. Озадаченно спускаюсь, слышу голоса и невольно замедляю шаг.

– А папа сколо плидет? – бодро спрашивает Нюся.

– Скоро-скоро. Ему же на работу надо, – отвечает ей Галина Федоровна.

– А может, лазбудим? – загадочно-иронично предлагает девочка, а я не могу сдержать улыбку. Озорница, сил нет.

– Не надо, он всю ночь тебя лечил, давай дадим ему отдохнуть.

– Давай, – недовольно вздыхает.

– А пока приготовим завтрак. Чего хочешь?

– Иишницу, – смешно коверкает слово.

– Не иишницу, а яичницу, – поправляет Галина Федоровна.

– Я так и сказала.

– Может, лучше сырники? Любишь?

– Да! Со сгущенкой! – Нюся радостно хлопает в ладоши. Как мало ребенку нужно для счастья.

– Будешь помогать?

– А можно?

– Ну конечно. На вот тебе творог. Выкладывай в миску.

Подхожу ближе, стараясь не привлекать внимания. Опираюсь плечом о косяк и наблюдаю за их возней. Нюся распечатывает пачку творога и пальцем подталкивает его к миске, помогая упасть.

– Молодец. Яйца умеешь разбивать? – Галина Федоровна кладет перед ней четыре яйца.

– Нет, – качает головой девочка и с интересом смотрит за

движениями Галины Федоровны.

– Смотри как, хобана и все. – Она ловко бьет яйцом о миску, раскрывает скорлупу и выливает на творог. – Попробуешь? – придвигает к Нюсе три оставшихся яйца.

Та кивает, разбивает яйцо, пачкает руки и, видимо, пугается. Кидает его в миску вместе со скорлупой.

– Ой. – В глазах застывает паника, трясет рукой и беспомощно смотрит на Галину Федоровну.

– Ничего, вытащим, – добродушно улыбается та и принимается убирать скорлупу из миски.

– А если не все?

– Скорлупа полезна, в ней кальций для костей.

Не сдерживаюсь и смеюсь в голос, обнаруживая свое присутствие.

– Доброе утро.

– Доброе утро, мы тут... – Галина Федоровна с улыбкой разводит руками.

– Папа.

Нюся подсказывает со стула и бежит ко мне, забыв о том, что руки все в яйце перепачканы. Ее реакция так пронзительна, чиста и наивна, что меня огушает эмоциями. Растерянно смотрю на нее и не знаю, как себя вести. Вроде и понимаю, что надо остановить, чтобы не испачкала меня всего, но вместо этого подхватываю на руки, крепче прижимая к себе. Ощущаю, как липкая ручонка приземляется мне на плечо, рубашка промокает насквозь. Плевать, переоденусь,

детские объятия важнее.

– Как ты себя чувствуешь? – пересаживаю на правую руку, чтобы было удобнее держать.

– Халашо, – расплывается в улыбке и впечатывается губами в мою щеку.

– Температуры нет?

– Нет, – довольно качает головой. Ну слава богу.

– Ванечка, завтракать будешь? – спрашивает Галина Федоровна, ставя на плиту турку. Прекрасно знает мои предпочтения.

– Кофе, если можно.

– Сейчас будет.

Присаживаюсь за стол. Нюся удобно устраивается на моих коленях, вовсе не собираясь слезать. Галина Федоровна вытирает ее руки салфеткой. Мне как-то странно. Как-то необычно. Никак не могу идентифицировать свои ощущения. Я словно другой. Я чувствую по-другому. Неужели возможно измениться вот так, по щелчку?

– А ты куда соблался? К маме? – деловито спрашивает Нюся, отрывая меня от самокопания.

– Пока нет. На работу. А ты обычно как день проводишь? – убираю волосы с ее лица.

– В садик хожу.

– Нравится?

– Ну да, – лукаво опускает глаза и водит пальчиком по столу. – Только там есть Костя. Он всех обижает, даже дево-

чек. Его даже к стульчику ставят.

– К стульчику? – едва сдерживаю смех.

– Ну да. Всех хулиганов так наказывают, – со знанием дела отвечает она. И взгляд такой серьезный.

– А тебя ставили?

– Ты что? Я не хулиганка, – возмущается и смешно хмурит брови, как будто я обвиняю ее в тяжком преступлении.

– Даже совсем чуть-чуть?

– Нет, – решительно качает головой.

Не выдерживаю и начинаю смеяться. Громко и свободно, как давно не смеялся. Эта девчушка мне определенно нравится.

– Так, садик – это слишком сложно, – размышляю вслух, как поступить. – Надо найти няню для ребенка.

– Зачем? – Галина Федоровна обиженно поджимает губы. – Я посижу с ней. Или ты сомневаешься в моей квалификации?

– Что вы, конечно нет, просто как то неудобно...

– Неудобно, Ванечка, – строго начинает она. – Это когда сын на соседа похож. Но это не наш случай, правда?

– Правда, – опять смеюсь. День анекдотов прямо.

– А если серьезно, мне все равно одной скучно... и совсем не сложно.

– Уверены? – уточняю на всякий случай, хотя и так знаю, что эта женщина от своего уже не отступит.

– Кофе, – посылает мне выразительный взгляд и тянет ру-

ки к ребенку. – Нюсенька, сырники пойдём месить?

Девочка с готовностью перебирается к ней на руки.

– А папу угостим?

– Обязательно.

Смотрю на них и качаю головой. Такая забавная девчушка. Телефон вздрагивает в кармане, информируя о входящем сообщении. Делаю глоток кофе и достаю его. Смс от безопасника: «Все, что смог – на почте. Дашь ещё время, будет больше». Быстро пишу: «Сначала посмотрю» – и нетерпеливо открываю почту.

Открываю фотографию Вики и замираю, боясь сделать вдох. Жадно скольжу взглядом по ее лицу, болезненно восстанавливая в памяти черты и отмечая малейшие изменения. Она стала старше, мягче, женственнее. Красивая и очень живая...

Сердце сбивается с ритма, а горький ком встает в горле. С трудом сглатываю и титаническим усилием воли заставляю себя закрыть фото и перейти к отчету.

Читаю информацию и не нахожу ничего для себя важного. Я все это и так знаю. Но к концу ближе появляется кое-что интересное. «Виктория недавно уволилась из фирмы «Айсберг». Управляющий директор Лютаев Михаил Борисович». Знакомая фамилия, но не могу вспомнить, где ее слышал. Может, по работе пересекались? Ладно, потом наведу справки... Читаю дальше. «Ныне Виктория находится в СИЗО, подозревается в краже. Крупный размер. (По пока непрове-

ренным данным – украла у Лютаева часы)».

Вика и украла? Неприятно морщусь, отказываясь верить в этот бред. Она же всегда была честной до мозга костей. Но люди меняются. Когда-то она и в любви мне клялась, а потом предпочла другого. Сильнее сжимаю телефон. До сих пор колбасит от этой ситуации. Так и не смог до конца пережить и отпустить ее.

Вновь открываю фотографию. Сердце болезненно сжимается. Куда ты влипла, девочка? Где же твой рыцарь в сияющих доспехах? Почему не спасает? Сохраняю себе в галерею. Смотрю на время и осознаю, что опаздываю на работу.

– Так все мне пора. Скоро совещание, – залпом допиваю остывший кофе и поднимаюсь на ноги.

– А завтрак? – Галина Федоровна хмурится, ей совсем не нравится, когда я так убегаю.

– В другой раз. Не успеваю, – достаю карту из бумажника и кладу на столешницу. – Закажите, пожалуйста, малышке все необходимое на первое время.

– Как скажешь, – равнодушно пожимает плечами, а у Нюси загораются глаза.

– А платишко класивое, как у плинцессы, можно? – смотрит на меня, как кот из «Шрека». Прямо чувствую, как все во мне сдается ее напору.

– Куда ж без платишка, – улыбаюсь я.

– А туфельки?

– И туфельки.

– А еще...

– Нюсенька, – осторожно прерываю поток ее хотелок. – Давай ты Галине Федоровне расскажешь и она обязательно тебе все закажет?

– Все? – Галина Федоровна вопросительно приподнимает бровь.

– В пределах разумного, конечно.

– Хорошо.

– Я пошел. Если что – звоните, – разворачиваюсь и иду к выходу.

– Все будет хорошо, не переживай.

– Папа, стой, – кричит мне вслед Нюся.

– Чего? – жду, когда она подбежит ко мне.

– Поцелуйчик-то забыл?

Ах, ну да. Как же я без поцелуйчика-то? Расплываюсь в довольной улыбке и присаживаюсь на корточки. Девочка обнимает меня за шею и с громким чмоком впечатывается губами в мою щеку. Так же быстро отстраняется и машет рукой.

– Тепель иди.

– Все? – уточняю на всякий случай и встаю.

– Иди-иди, – подталкивает к выходу и шепчет себе под нос, думая, что мне не слышно: – А мы пока платишки закажем.

Качаю головой. Вот откуда в маленьком ребенке столько хитрости и пронырства?

Быстро поднимаюсь в свою комнату, чтобы переодеть рубашку. Утро сильно затянулось. Такими темпами я никогда не уйду. А время все стремительнее бежит вперед.

Утренняя пробка не добавляет оптимизма, но дает необходимую передышку, чтобы спокойно подумать. Сморю на часы. Важное совещание скоро начнется, а мои мысли забиты черт-те чем. Старательно перевожу их в правильное русло, но ничего не получается. Перед глазами так и стоит Вика в душной, серой камере.

– Да твою ж мать! – раздраженно луплю руками по рулю.

В груди горит и кипит. Механизм запущен, я теперь не успокоюсь, пока все не узнаю. Хотя кого я обманываю? Пока не увижу ее. Мне это нужно. Просто увидеть. Просто поговорить. Просто. Просто. Просто. Да нихрена все это не просто!

Да нахрен это все! Резко разворачиваюсь через две сплошные, мысленно посылая совещание к чертям собачьим, и еду к СИЗО. По дороге набираю своего безопасника.

– Внимательно. – Кирилл, как всегда бодр и свеж.

– Кир, мне нужна встреча с этой женщиной, – перехожу сразу к главному, чтобы сохранить время и себе, и ему.

– Когда?

– Прямо сейчас. Я уже еду в СИЗО.

– Дорого.

– Плевать, – сжимаю сильнее руль, осознавая, что сейчас готов отдать многое, чтобы получить желаемое.

– Сделаем, – уверенно отвечает Кирилл. – Инструкции

пришлю позже.

Сбрасываю звонок и прибавляю скорость. Надо закрыть этот вопрос как можно быстрее.

Глава 5. Виктория

Утро давно наступило, а я не могу заставить себя подняться с кровати. За всю ночь не сомкнула глаз и до сих пор спать не хочется. Просто лежу и смотрю в одну точку на стене. Слез больше нет. Они давно кончились, оставив после себя только пустоту и ноющую боль.

Сердце не на месте от тревоги, но все еще размеренно толкается в груди. Медленно схожу с ума от неизвестности. Как там моя малышка? Все ли с ней хорошо? Господи, ведь я даже не знаю, где она. Осталась ли она у Валентины Ивановны? Куда отправляют детей в таких случаях? Только бы с ней ничего не случилось. Она еще совсем маленькая...

Шумно выдыхаю и глубоко вдыхаю, стараясь сохранять спокойствие. Сейчас нельзя истерить. Нужно взять себя в руки и как-то выпутаться из сложившейся ситуации. Помимо воли вспоминается лицо Лютаева, его откровенный, похабный взгляд и гадкая ухмылка. Неприятна дрожь проходит по телу, заставляя сотрясаться каждое нервное окончание, при одной мысли о том, что придется сдать его воле. Не представляю, как смогу вытерпеть эту пытку, но быть вдали от дочери – пытка еще большая. Ради нее я должна сделать все, чтобы выйти из этого жуткого места. Даже если придется...

Судорожно всхлипываю и зажмуриваюсь. В моей жизни был лишь один мужчина. Иван. Мое тело и душа до сих пор

принадлежат ему. Как я могу предать его и свои чувства? Это невозможно. И страшно. Наша любовь была такой яркой, что ее всполохи до сих пор согревают мое разбитое сердце. Жаль, все так быстро закончилось.

Он не хотел детей. Категорически. Я была готова к этому, лишь бы быть с ним. Но каким-то невероятным образом все же забеременела. Хотела рассказать ему обо всем, но Иван не стал даже слушать, передал через свою мать записку и деньги на аборт. Пришлось делать мучительный выбор, и я его сделала. Теперь у меня есть дочь. У нас. Я ни о чем не жалею. Но он об этом никогда не узнает. Я все для этого сделала. Отпустила его, разорвав все возможные связи. Так лучше для всех нас...

– Девонька, ты спишь? – слышу голос сокамерницы и нехотя оборачиваюсь.

– Нет. Что случилось? – сажусь на постели, освобождая место рядом с собой.

– Ты знаешь, где сейчас твоя дочь?

Отрицательно качаю головой и горестно вздыхаю.

– Оставляли соседке, а что дальше...

Неопределенно пожимаю плечами.

– Телефон ее помнишь?

Неуверенно киваю.

– Только домашний. Они у нас похожи.

– Вот держи, позвони ей, – протягивает мне старый кнопочный аппарат. С удивлением смотрю на него, не веря сво-

им глазам, но задавать лишних вопросов не решаюсь. Быстро забираю и прижимаю к груди, словно в этом телефоне мое спасение.

– Спасибо. Господи, спасибо вам огромное. – Не знаю, как выразить свою благодарность. Эта женщина буквально спасает меня от нервного срыва.

– Да ладно тебе. Звони давай, только тихо и недолго. Не больше двух минут.

Быстро набираю номер и слушаю длинные гудки. Сердце колотится, как сумасшедшее, заглушая все другие звуки.

– Алло, – раздается в динамике раздраженный голос соседки.

– Валентина Иванова, это я, Вика, – тараторю быстро, чтобы сэкономить время.

– Чего тебе? – бурчит недовольно та.

– Как там Анечка? С ней все в порядке?

– Понятия не имею.

– То есть как? Ее забрали? Куда?

– Никто ее не забирал. Сама сбежала. Куда не знаю.

– Как же так? – судорожно всхлипываю и неосознанно повышаю голос.

– Сама разбирайся.

В телефоне глухая, звенящая тишина. Мое сердце тоже, кажется, останавливается. Хватаю ртом воздух, словно рыба, и не могу сказать ни слова. Сокамерница забирает у меня из руки телефон и быстро прячет его.

– Что она сказала? – спрашивает, нахмурившись.

– Что дочка вчера сбежала от нее...

Не успеваю договорить, в коридоре слышатся звучные шаги. В следующую секунду дверь с характерным лязгом открывается и входит надзиратель.

– Альпинская, на выход.

Вздрагиваю и поднимаю на него глаза.

– К тебе пришли.

Каждое слово врезается в меня и прожигает насквозь. Липкий страх медленно ползет по позвоночнику, вздыбливая каждый волосок на коже. Зябко веду плечами, чтобы прогнать это неприятное ощущение, и послушно поднимаюсь на ноги. У меня нет ни сил, ни средств для борьбы. Я связана по рукам и ногам. Мне срочно нужно выйти отсюда и найти дочь.

* * *

Меня ведут по уже знакомому маршруту. Внутри все дрожит и переворачивается. Каждый шаг отдается болью в сердце. Иду словно на эшафот. Хотя так и есть. Сдавшись этой мрази, я потеряю себя. Перестану уважать. Стану обычной подстилкой. Но зату спасу своего ребенка. Честь и гордость – не слишком высокая цена. Я готова ее заплатить...

– Лицом к стене.

Послушно исполняю. С меня снимают наручники, откры-

вают дверь и небрежно толкают внутрь.

— У вас десять минут.

Поднимаю голову, морально готовясь к своему унижению. Но вижу перед собой другого человека. Он стоит лицом к окну. Я вижу лишь спину и сжатые в замок руки, но без труда узнаю его.

— Ванечка, — неосознанно шепчу сухими губами. Голова предательски кружится, а ноги становятся ватными. Хватаюсь за стену, чтобы не упасть, и часто-часто дышу, не веря в происходящее. Как? Почему? Зачем?

— Здравствуй, Вика. — Он медленно поворачивается и впиывается в меня строгим взглядом. — Вижу, ты меня узнала. Тем лучше, — поджигает губы, но глаза не отводит. Рассматривает, как вещь в витрине магазине, но не приближается.

Дрожу под его взглядом, но сама не понимаю почему. Сердце истошно вопит, болезненно сжимается в груди и отчаянно рвется к нему. Ничего не изменилось. Я по-прежнему принадлежу этому мужчине. Одного взгляда достаточно, чтобы я ползла за ним на край света...

Как же я соскучилась по этим глазам цвета грозового неба. По нежным, но в то же время жадным губам. По лукавой улыбке с озорными ямочками на щеках. Неосознанно впитываю его образ, стараясь запомнить каждую мелочь. Господи, какой он стал. Хотя почему стал, он всегда таким и был. Высокий, статный, красивый, как греческий бог. Легкая небритость придает ему мужественности. От него так и

разит уверенностью и спокойствием. Это уже не Ванечка, а Иван Сергеевич.

– Поговорим? – сухо спрашивает и кивает на стол посередине комнаты. Голос, холодный и чужой, пронзает меня насквозь. Не успеваю выставить защиту и дергаюсь от пропущенного удара. Больно, но стискиваю зубы и терплю.

Неуверенно киваю и на негнущихся ногах иду туда. Иван дожидается, пока я присяду на лавку, и садится напротив.

– Ничего не хочешь мне рассказать?

Меня пробивает электрическими разрядами от его голоса, от тембра, но я усилием воли заставляю себя оставаться спокойной и равнодушной.

– А должна?

– Ну мало ли... – хмыкает и складывает руки на груди. – Может, есть что-то чего я не знаю, хотя должен был знать?

– Не припомню такого.

Не понимаю, куда он клонит, и чего хочет, тоже не понимаю. Зачем явился через столько лет с такими нелепыми вопросами? Я от него ничего не скрывала. Ну, может, чуть-чуть приукрасила свои отношения с Димкой, а тот мне просто подыграл.

– Seriously? – Его бровь дергается вверх. Невозмутимо достает телефон, что-то ищет и протягивает мне. – Это моя дочь?

Вижу фотографию Нюси и нервно сглатываю. Как? Откуда? Этого не может быть!

– Нет. Она только моя, – отвечаю, как можно спокойнее, но голос предательски дрожит. Внутри все сжимается от страха, но я никогда не скажу ему правду.

– Не ври, – шипит холодно и хлестко, словно отвешивает пощечину. – Это моя дочь. И я не позволю ей шлаться по улице. – Его глаза вспыхивают недобрым огнем, но он меня не пугает. Я не чувствую от него угрозы.

– Где она? – тихо спрашиваю, наплевав на все. Это для меня сейчас главное. Самое важное на свете.

– У меня дома. – Его голос неожиданно смягчается. – Вчера сама пришла ко мне и заявила, что моя дочь.

– Сама? – качаю головой. – И ты ей поверил?

– Я сделал ДНК, Вика. – Иван разбивает мою оборону вдребезги. – Ты мне лжешь! И я хочу узнать почему!

Глава 6. Иван

– Я сделал ДНК, Вика. – Вру отчаянно, лишая возможности юлить. – Ты мне лжешь! И я хочу узнать почему!

Впечатываю ладонь в столешницу и впиваюсь в Вику взглядом.

– Почему? – Ее губы растягиваются в болезненной усмешке, а в глазах застывают кристаллики льда. – Потому что ты не имеешь права называться ее отцом.

Эти слова безжалостно полосуют по сердцу. Меня взрывает. Хочется проораться и разнести все здесь к херам собачьим, но усилием воли сдерживаю демонов внутри. Я здесь не для этого.

– Это ты так решила? – рывкаю угрожающе и сжимаю руки в кулаки, чтобы хоть куда-то направить негативную энергию, что распирает изнутри. Вот так просто – «не достоин»! Да, что ты о себе возомнила, девочка?

– Нет. Это ты решил, когда отказался от нее. – Ее голос дрожит, врезаясь в меня и переворачивая все внутренности вверх дном. – И теперь дочь есть только у меня. Моя! Дочь! – Вика подается вперед, практически выкрикивая это все мне в лицо.

Вскакиваю с места и повторяю ее движение.

– Серьезно? – рычу сквозь зубы, испепеляя взглядом. – Я даже не знал о ее существовании!

Бессильная ярость накрывает меня с головой, мешая трезво мыслить. Наши лица на расстоянии нескольких сантиметров друг от друга, но между нами как будто толстое стекло. Оно не дает приблизиться, но и отдалиться не получается.

Я чувствую тяжелое дыхание Вики, оно смешивается с моим и сбивается. Воздух вокруг нас, кажется, трещит от напряжения. Атмосфера накаляется до предела, достаточно одной неосторожной искры-слова, чтобы случился армагеддон. И я интуитивно жду его от нее, чтобы уничтожить нас обоих. Спалить дотла в горниле необузданных эмоций.

Но Вика неожиданно отстраняется и устало опускается обратно на лавку. Горькая, беспризорная ухмылка появляется на ее губах и зеркально отражается во мне.

– Бессмысленный какой-то разговор, – тихо вздыхает и поднимает на меня глаза. – Ты зачем пришел, Вань?

– Чтобы получить ответы. Но получил еще больше вопросов... – сокрушенно качая головой, падая на свою лавку.

Запал иссяк, опустошив меня. Не покидает ощущение, что что-то не так. Либо Вика что-то недоговаривает, либо я чего-то не знаю. Какой-то информационный вакуум. Ничего не понимаю. Запутался.

Смотрю на часы. Время стремительно утекает. Ладно, с этим разберемся позже. Главное я услышал, но что делать дальше?

– Нюся будет жить у меня, – сухо констатирую я.

Думаю, Вика должна знать о моем решении, хотя, конеч-

но, не обязан отчитываться в сложившихся обстоятельствах. Она выглядит какой-то потерянной, но неуверенно кивает, соглашаясь.

– Есть что-то, о чем я должен знать?

– У нее аллергия на кроликов и очень слабое горло... – Вижу, как она дрожит и обнимает себя руками.

Черт. Зарываюсь пальцами в волосы и несильно сжимаю. Не могу видеть ее такой. Изнутри корежит от происходящего и почему-то чувствую себя палачом. Но ведь я не виноват. Это все эмоции, а значит, я не вывожу ситуацию.

– Посмотри на меня, – тихо прошу, сам не знаю зачем.

Вика послушно поднимает голову. В ее глазах отчетливо читаются страх, отчаяние и что-то едва уловимое и до боли знакомое. Интуитивно чувствую ее эмоции, они проникают в меня и бережат так и не зажившие раны на сердце.

Меня накрывает желанием защитить. Даже убить любого, кто посмел обидеть ее. Ничего не могу с собой поделаться. Откуда-то из глубины души рвутся чувства, похороненные заживо. Словно не было шести лет разлуки. Словно она не чужая женщина.

– Ванечка, помоги мне, – шепчут ее губы, а в глазах дрожат слезы. – Я ничего не делала.

Так произносить мое имя умеет только Вика. По-особенному, заставляя сердце заходиться от восторга и эйфории. Сжимаю зубы и прикрываю глаза, пропуская ее слова через себя. Все во мне откликается на ее мольбу, но я пока не

готов давать обещания. Мне надо подумать на трезвую голову.

– Почему же твой Дима не помогает? – спрашиваю прямо, не отпуская ее взгляд. Да, черт возьми, мне нужна правда. Если я впишусь в эту историю, хотелось бы понимать риски.

– Нет никакого Димы, – шмыгает она и вытирает несколько капель с щек. – И не было никогда. Я обманула тебя.

– Зачем? – пораженно смотрю на нее. Вся с таким трудом выстроенная картинка рассыпается. Какого хера здесь творится?

– По-другому ты бы не отстал...

– Время вышло, – раздается звучный голос, и дверь с лязгом открывается.

Вика вздрагивает и сильнее сжимается. Твою мать! Как сдержаться и не разнести эту богадельню к чертовой матери?

– Пару минут еще, – прошу надзирателя, но тот качает головой.

– Не могу, и так сделал все, что мог. Лицом к стене, – обращается к Вике. Та не спорит и поднимается. Кидает на меня взгляд, полный немого отчаяния, и идет к стене.

С ужасом наблюдаю, как на ее запястьях застегивают наручники и уводят. Уводят, а я ничего не могу с этим сделать. Да это треш какой-то!

Возвращаюсь в машину, небрежно падаю на сидение и несколько раз с силой засаживаю ладонями по рулю, вымещая неконтролируемую злость. Как смог не сорваться там, в этом жутком месте, сам не понимаю. Когда уводили Вика как какую-то преступницу, я был на грани, очень близок к опасной черте, но холодный разум все-таки взял верх над пылающим сердцем, и получилось сдержать своих демонов.

Изнутри до сих пор колотит от бессильной ярости. От собственной беспомощности. От осознания, что это все вообще не мое дело, но оставаться равнодушным не получается. Резко откидываюсь на спинку и прикрываю глаза. Стараюсь выровнять частое дыхание и снизить градус накала эмоций. Давно меня так не бомбило. Давно ничто не задевало за живое. Я был уверен, что живого-то во мне не осталось. Все умерло после предательства любимой женщины.

Оказалось, напрасно. Эмоции рвут на куски, хочется выть раненым зверем и крушить все, что попадется под руку. Вика отказалась от меня шесть лет назад, поставив точку в наших отношениях. Предала, раздавила меня. А теперь, когда я с таким трудом соскреб себя с асфальта и научился жить без нее, просит о помощи?

«Ванечка, помоги мне. Я ничего не делала» – всплывает в сознании и едва не сносит волной адреналина. Распахиваю

ваю глаза и сжимаю кулаки, вновь начиная заводиться. Одна фраза и невинный взгляд, и я уже готов глотки рвать за нее.

Самое стремное, что я даже не раздумываю, как поступить. Не мучаюсь выбором перед принятием решения. Все решил еще вчера, когда увидел глаза дочери. Точно такие же, как у ее матери.

Непередаваемое ощущение, но сейчас я смог его уловить. Словно долго плутал в темном, душном подземелье и наконец выбрался на белый свет. Глоток свежего воздуха вскрыл голову, опьянил и наполнил до краев энергией.

Какого хрена? Я не хочу все это чувствовать! Не хочу становиться зависимым и ждать удара в спину! Головой все понимаю, но ожившее сердце диктует свои правила. По-хорошему, надо решать вопрос жестко. Доказывать отцовство через суд и лишать Вику родительских прав, но отчего-то рука сама тянется к телефону. И я уже знаю, кому позвоню.

Живя в разных городах, мы с братьями видимся нечасто, но, если нужна помощь – всегда на связи. Быстро нахожу номер старшего и подношу телефон к уху. Монотонные гудки действуют на нервы, но терпеливо жду. Паша бывает сильно занят, как, в общем-то, и я. Все понимаю, но бешусь от ожидания.

– Да, брат. Привет, – раздается в динамике голос брата.

– Наконец-то, – облегченно выдыхаю и тру переносицу пальцами. Без него решить эту проблему было бы гораздо сложнее и дольше.

– Судя по всему, вопрос срочный, – хмыкает Павел.

– Более чем.

– Излагай.

– Мне нужен адвокат по уголовке. Лучший, – сразу перехожу к делу, чтобы не нарезать круги вокруг да около. Сейчас нет времени на простой треп.

– Только не говори, что встрял. – В его голосе появляется напряжение.

– Не я. Но очень нужен.

– Номер скину смс. Договорись сам, я предупрежу. – Брат предпочитает не задавать вопросов, на которые я пока не готов отвечать, и я очень благодарен ему за это. И за помощь тоже.

– Спасибо.

– На Новый год приедешь? – Интуитивно чувствую, как его губы расплываются в улыбке, и невольно улыбаюсь сам. Против лома нет приема. Но я пока не могу вырваться из города – у меня практически армагеддон.

– Пока не знаю.

– Давай подтягивайся, давно не виделись. – Павел продолжает настаивать. – Я, можно сказать, только из-за тебя поменял планы. И мелкий тоже обещал явиться в родное гнездо.

– Да, брось, – фыркаю я, едва сдерживая смех. – Небось, по работе надо.

– Ну не без этого...

– Вот-вот. Ладно, я постараюсь.

– Все. До связи.

* * *

Напряженно смотрю перед собой и жду. Пальцы нервно постукивают по рулю, а сердце размеренно бьется. Через пару минут приходит смс от брата. «Анисимов Григорий Павлович» и номер телефона. Несколько секунд настраиваюсь на нужный лад и нажимаю дозвон.

– Анисимов, слушаю, – раздается в динамике хриплый мужской голос.

– Добрый день. Вас беспокоит Козырев Иван Сергеевич, – сухо представляюсь я, обдумывая, как лучше изложить свою просьбу.

– Здравствуйте, Иван, – хмыкает он. – Ваш брат сказал, у вас дело, не терпящее отлагательств.

– Так и есть, – сжимаю руль и выдаю кратко все, что знаю сам. – Девушка в СИЗО, обвиняется в краже. Я хочу, чтобы она вышла оттуда как можно быстрее, – добавляю с нажимом, интонацией акцентируя внимание на последнем слове.

– Вот так просто раз и вышла? – усмехается Григорий, отчего мне становится не по себе. Но я не даю волю эмоциям.

– Мне плевать как, – холодно отвечаю и сильнее стискиваю телефон. – Просто вытащите ее оттуда, и все.

Я настолько далек от преступного мира, что понятия не имею, что для этого нужно. Поэтому и попросил помощи у

адвоката. Должны же быть лазейки в кодексе и в системе в частности. Такие дела разваливают, а тут девчонка с часами.

– Мне нужно хотя бы на материалы дела взглянуть. Хоть какая-то информация есть?

– Напишите мне все, что вам нужно – я все пришлю.

– Хорошо. Но ваша просьба будет стоить не дешево. Сами понимаете...

Невольно ухмыляюсь. Вот это уже конструктивный диалог. Все в этом мире продается и покупается. Даже свобода.

– Я все понимаю. Сумма не важна. Главное, срок.

– Ну хорошо. Я подумаю, что можно сделать, и вам перезвоню.

– Жду.

Завершаю звонок, приклеиваю телефон на приборную панель и завожу двигатель. Надо уезжать. Стоять здесь совершенно бессмысленно. Но почему-то так паршиво, что ехать никуда не хочется.

Беру себя в руки и выруливаю с парковки. Обещал появиться в офисе, Марина просила подписать срочные бумаги. Да и узнать итоги совещания было бы неплохо.

Глава 7. Иван

Второй час в офисе пытаюсь работать, но ничего не получается. Как ни стараюсь сосредоточиться на деле, мысли ускользают в другую плоскость. Я все еще там, в СИЗО. В этой серой комнате для свиданий. Сердце монотонно стучит в груди, но каждый его удар отдается эхом в ушах.

В очередной раз проматываю наш разговор с Викой и с силой бьюсь затылком об кресло. Да что ж так паршиво-то, а? Бездействие убивает. Я не привык так. Не люблю ждать, особенно когда не знаю чего. Обычно сам могу решить любую проблему, но сейчас от меня ничего не зависит.

Адвокат получил информацию, но до сих пор молчит. Неужели все так плохо? Может, самому позвонить? Отказываюсь от этой затеи. Слишком рано. Все идет своим чередом. Не нужно мешать человеку работать.

Прикрываю глаза и вновь улетаю по знакомому маршруту. Вика... Отчетливо вижу ее и чувствую, как холодок пробегает по позвоночнику. Такая красивая и одновременно несчастная. Невольно вспоминаю, какой она была раньше. Светлая, солнечная и такая живая. Да... жизнь в ней кипела и бурлила. Энергия плескалась через край, щедро окатывая окружающих. А сейчас от Вики осталась одна тень. Серая. Безликая. Лишь глаза прежние. Кто это с тобой сделал, девочка?

Тяжелый вздох рвется из горла. Я должен ей помочь, иначе перестану уважать себя. Иначе не смогу жить спокойно дальше и смотреть в глаза дочери. Помочь в память о том, что между нами было, и отпустить со спокойной совестью.

Телефон призывно вибрирует на столе, извещая о входящем сообщении. Быстро переворачиваю дисплеем и читаю: «Думаю, смогу помочь. Берусь за ваше дело. По ходу сообщу». Облегчение лавиной прокатывает по телу, а на лице сама собой появляется улыбка. Торопливо печатаю «Спасибо» и подскакиваю на ноги. Настроение заметно улучшается, а предчувствие, что все закончится хорошо, заполняет все больше внутреннего пространства.

Нахрен все. Поеду домой, к дочке. Пусть у меня сегодня будет выходной. Быстро собираюсь и выхожу из кабинета.

– Иван Сергеевич, – возмущенно произносит Марина, сверлит меня подозрительным взглядом и аккуратно пододвигает пачку документов на подпись.

– Прости, я сегодня не могу, – умоляюще складываю руки на груди. – Завтра все сделаю и подпишу.

Недовольно поджимает губы и смешно хмурит брови.

– Честное пионерское, – обещаю и торжественно припечатываю ладонь к сердцу.

– Случилось-то чего? – Она наконец оттаивает и улыбается.

– Я стал отцом, разве этого не достаточно?

– Поздравляю. – Ее улыбка становится еще шире.

– Марин, я поехал. Правда, не могу сегодня работать.

– Да езжай уже, – снисходительно машет рукой. – Все равно от тебя никакого толку.

– Спасибо, ты чудо.

Иду к выходу.

– Кстати, Карина звонила... три раза... – летит мне в спину. Вот же блин. Про нее я совсем забыл. Надо бы позвонить и разрулить ситуацию, чтобы не осталось недопониманий.

– Я разберусь.

– Уж будь добр.

По дороге покупаю всяких вкусностей и игрушек и решаю сделать сюрприз дочке. Обвешанный пакетами, бесшумно вхожу в дом и замираю, услышав громкие голоса.

– Где она? – верещит Карина на весь дом.

– Кто? Девушка, успокойтесь, я не понимаю, кто вам нужен, – пытается уговорить ее Галина Федоровна.

– Я хочу увидеть своими глазами!

Мысленно матерюсь, что допустил эту ситуацию в принципе. Мой косяк. Скидываю пакеты на пол, стискиваю кулаки и решительно иду на звук голосов. Прохожу через гостиную. В глаза сразу бросаются детали. На ковре разбросаны красочные пазлы, а на кресле пряжа со спицами. Становится так неожиданно уютно от этих мелочей, словно вернулся в прошлое. В свое счастливое детство. Вроде ничего такого, но мой идеально выдраенный дом стал по-настоящему жилым. Карина явно не впишется в эту картинку. Скриплю зубами

и захожу в кухню.

– Уходи, ты злюка, – Нюся недовольно топает ножкой и упирает руки в боки. – Иначе плидет папа и тебя выгонит!

Перехватываю недоуменный взгляд Галины Федоровны и едва заметно киваю. Карина стоит спиной и пока не видит меня. За то я вижу все. И слышу тоже.

– Что ты сказала, маленькая дрянь? Сейчас я тебе, – делает шаг в сторону Нюсю, но я перехватываю ее за локоть и резко разворачиваю к себе. Меня внутренне взрывает от смеси эмоций, но я очень стараюсь сохранить спокойствие и не напугать ребенка.

– Ты что вытворяешь? – зло рычу, прожигая Карину насквозь взглядом и невольно сжимаю пальцы сильнее.

Она вздрагивает от неожиданности. Глаза удивленно расширяются, а на ярко-красных губах застывает недовольная гримаса. Не ожидала? Что ж, я тоже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.